

И. С. ЛУКАШ

Иван Созонтович Лукаш
Петр-хирург
Серия «Со старинной полки»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2454565

Аннотация

«...Непостижимые молнии бороздят лик Петров, и немеет, замирает человек в столкновении, в сверкании грозы, уже не зная, где божественные, где демонические черты.

Ужас лика Петра – ужас грозы, когда порывы света мешаются с порывами тьмы, сражение света и тьмы...

Недавно я перечел очерк Шубинского, темно испугавший меня еще в детстве...»

Иван Созонтович Лукаш

Петр-хирург

Лик его ужасен...

Когда обычный человек осмелится поднять на него глаза, неминуемо отступает он, пораженный Божьей грозой его лица.

Непостижимые молнии бороздят лик Петров, и немеет, замирает человек в столкновении, в сверкании грозы, уже не зная, где божественные, где демонические черты.

Ужас лика Петра – ужас грозы, когда порывы света мешаются с порывами тьмы, сражение света и тьмы...

Недавно я перечел очерк Шубинского, темно испугавший меня еще в детстве.

В 1698 году в Амстердаме, в анатомическом кабинете Фридриха Рюйши, царь Петр пришел в восторг.

Именно тогда обнаружилась впервые его страсть. «Восторг», «страсть», – только я повторяю слова Шубинского.

В амстердамском кабинете старика Рюйши были злоеющие чуланы, набитые неживыми дивами. Без смешанного чувства страха и отвращения нельзя читать описание их в дневнике одного из спутников царя:

«Кости, жилы, мозг человеческий. Тела младенческие и жила та, на которой печень живет. Горло, и кишки, и жила та, на которой легкое живет, подобно как тряпица старая. Пять-

десять телес младенческих в спиртусах, от многих лет нетленны. Кожа человеческая, выделана толще барабанной, которая на мозгу человека живет, вся в жилах. Животные мелкие в спиртусах, мартышки, звери индейские и змеи. Крокодилы, се змеи с ногами, голова долга и змеи о двух головах...»

Среднего человека в таких анатомических кунсткамерах и еще в музеях восковых фигур среди нежити, бледных уродцев, с поджатыми ручками и ощеренными глазами, среди раскрытых внутренностей, вылинявших змей, обычно охватывает чувство отвращения, тошноты.

Но в 1698 году в Амстердаме царь Петр, юноша, от зрелища всей этой нежити пришел в такой восторг – никто, никогда, ни один, кажется, человек еще не делал подобного, – что стремительно поднял с красной бархатной подушки, в потускневших золотых позументах, труп девочки в роброне и золоченых туфельках, восковой костячок, набальзамированный зловещим Рюйшей, с застывшей гримаской, будто бы улыбкой, и с восторгом поцеловал маленькую покойницу в губы.

Восхищение гения перед совершенным искусством ученого, восторг? Так, конечно. Но и еще что-то необъяснимо страшное.

В Амстердаме царь часто бывал у Рюйши. Целые часы проводил в его темных чуланах. Больше того, среди скелетов, змей, костей и жил, подобных тряпице, царь Петр любил у Рюйши обедать.

С Рюйшей он бывал и в амстердамском госпитале Святого Петра. Московский царь с горящими глазами следил за каждым движением блистающих хирургических инструментов в анатомическом зале, где лежал на столе бледный мертвец под простыней.

В толпе, на ярмарке, царь такими глазами следил за ярмарочным шарлатаном – зубодером, как он, болтая, без умолку, точно попугай, выдергивает зубы грузным голландцам.

У ярмарочного шарлатана царь выучился дергать зубы.

Позже всю жизнь в кармане своего зеленого шкиперского кафтана, с подкладкой, потертой и потемневшей от многих лет, царь носил истрепанный кожаный футляр с инструментами. Он любил рвать зубы кому надо и кому не надо. В кунсткамере Петербургской академии наук долго хранился пожухлый кожаный мешочек, полный чьих-то зубов, выдернутых государем Петром.

Кажется, хирургия была призванием царя Петра. Может быть, не будь он царем, он стал бы хирургом. Он так огромен, что эта его страсть, влечение, восторг как будто забыты. А между тем разум его преобразований, его рассекающий гений как бы разум и гений хирурга. Но здесь же разум Петра сходится с его душевной тьмою.

Известно, какое невыносимое отвращение вызывали у него пауки и тараканы. Ночью он кричал от ужаса, завидя паука в спальне. Он выбегал к денщику с трясущейся головой, в припадке. Одно шуршание, тараканий шелест приво-

дили его в темный ужас.

Но нестерпимый, болезненный страх перед живой тьмой как-то сочетался у него с этими обедами среди нежити в кунсткамере Рюйши. И одной жаждой просвещения европейского, кажется, не объяснить его страсть к анатомическому театру и к скорченным уродцам.

Царь Петр всегда находил время побывать в госпитале. Царь любил смотреть на страшную работу хирургов и как в прозекторской режут трупы.

Петербургские медики были обязаны извещать государя о каждой трудной хирургической операции. Царь приезжал в госпиталь в тележке, кутаясь в черный плащ. С царем обычно был старик-медик Термонт.

Волосы царь повязывал, вероятно, ремешком, как и другие хирурги в его времена. В горнице было душно. Над дубовым столом смутно горели, оплывали сальные свечи, а в окне таинственно мерцали морозные чащи, петербургская ночь. Жесткие черные волосы царя, влажные от пота, прилипали, вероятно, к его смуглой щеке.

Чуть выкаченные в темном блеске глаза и стриженные усы над тонким ртом, запавшим и шевелящимся, – страшен, непонятен такой Петр со страшным его любопытством.

От медика Термонта царь получил навык – большой навык методически рассекать трупы, пускать кровь, вскрывать нарывы, делать хирургические прорезы и перевязывать.

То, что он получил навык методически рассекать трупы,

прекрасно в сиянии его гения, но нестерпимо страшно, даже отталкивающе в темном свете его души, как и то, что он мог в восторге целовать труп. Есть двойственность в Петре-хирурге: не только могущественная жажда все познать, исследовать, а чудится и нечто больное – тьма.

Он и сам не страшился работать скальпелем. Купцу Тасену в Петербурге он вскрыл опухоль. Голландке Борете, страдавшей водянкой, он выпустил воду – насильно, – как ни отбивалась больная. Борете умерла.

В 1717 году, во второе заграничное путешествие, царь Петр упросил в Париже известного глазного врача Воольпойза показать ему свое искусство медика. В отеле Дегндьер медик Воольпойз при царе Петре выдавил одному ветерану бельма.

Конечно, все деяния его, чтоб поднять медицинскую науку в России: с 1706 по 1715 год военные госпитали, сухопутные и морские, в Петербурге, Москве, Киеве, Ревеле, Екатеринбурге и хирургические училища, и анатомические театры, и аптеки, даже в Глухове.

Но за все эти годы царь не забывал и амстердамских чуланцев Рюйши, набитых дивами. Сколько раз упрашивал он старика открыть тайну, как бальзамировать трупы.

Наконец, в 1717 году уговорил Рюйша продать свой кабинет за пятнадцать тысяч гульденов. У амстердамского аптекаря Себа были еще куплены чучела птиц, змей и насекомых.

В Московию на возах, в каретах и в корабельных трюмах

потасились тогда пятьдесят младенческих телес в спиртусах и се змеи с ногами, и змеи о двух головах, и жилы, какие в мозгу человека живут, мартышки, звери индийские.

И та мертвая девочка в тусклой роброне и золоченых туфельках, так восхитившая Петра двадцать лет перед тем.

Старик Рюйша, передавший царю свой кабинет редкостей, почему-то под клятвой молчания открыл ему тайну бальзамирования трупов. Только после смерти Рюйши Петр передал ее своему лейб-медику Блюментросту...

Старый очерк, попавший на глаза, поднял старый детский страх перед царем Петром.

Петр-хирург. Для меня и теперь есть какая-то необъяснимая тьма в таком его образе.

Что-то нечеловечески страшное и темное чудится в царе Петре, с запавшим, шевелящимся ртом, в его зловещей кунсткамере, среди подкорченной, пришеренной и вылинявшей нежити.